

Молчание на том конце провода заставило Шу Нина возненавидеть эту слабость, и он тут же сменил болезненный тон на резкий, словно нож:

— Сколько денег ты отправил тётке? Если бы она давала бабушке деньги на жизнь, разве бабушке пришлось бы собирать металлолом, чтобы заработать на мою учёбу? Я говорю столько, а ты мне не веришь, да? Я понимаю твоё желание доверять кровным родственникам, но нужно же смотреть, кто перед тобой, человек или нет?

— Сяо Нин...

Этот голос был низким и хриплым, до боли неприятным.

— Я знаю, кровное родство — это проклятие, от которого не избавиться, — Шу Нин почувствовал тепло, когда староста схватил его за руку, и продолжил давить на больное:

— Дядя, тётя и вторая тётя не дадут ни копейки на похороны бабушки. Они даже найдут кучу оправданий, чтобы уклониться от ответственности, и сделают всё возможное, чтобы продать дом. Возвращайся сегодня же, одолжи 2 000, чтобы быть готовым ко всему. Мы поедем в районную больницу проведать бабушку, заодно спросим у медсестёр, а потом вернёмся в деревню и поговорим с соседями.

— Хорошо, я послушаю тебя, — Цинь Юйфу, чей разум был в полном замешательстве, слышал в ушах лишь звон.

Положив трубку, староста тут же расплатился за разговор и усадил Шу Нина на ступеньки рядом с собой. Эмоции бурлили, и хотя обычно он был находчив на слова, сейчас не мог найти ни одного утешения. Лицо его покраснело. Не знавший подлости мира, староста всё же набрался решимости:

— Я побуду с тобой.

Шу Нин очень устал, склонил голову и опустил на плечо старосты:

— Бай Пэн, с этого дня мы лучшие друзья.

— А? — Бай Пэн почесал затылок, недоумевая:

— Разве мы не всегда были друзьями?

Шу Нин наконец улыбнулся — чисто и невинно. Ведь внешне он всё ещё был тринадцатилетним мальчишкой!

Бригадир, привёзший дядю в школу, не стал церемониться и велел Шу Нину скорее садиться в машину. Цинь Юйфу готов был отдать всё на свете за крылья, чтобы немедленно оказаться рядом с матерью.

Староста держался за опущенное стекло и смотрел на двух смуглых мужчин. Ни один не был похож на Шу Нина. Кто из них дядя? Неважно. Бай Пэн понимал, что они торопятся, и быстро заговорил:

— Я староста третьего класса, Бай Пэн. Учитель велел передать тебе, что Шу Нин был избит тётей до крови. Причина — она хотела забрать документы на дом, чтобы продать его и оплатить операцию.

Учитель — это священная профессия, слова учителя имеют вес. Очевидно, Бай Пэн солгал, но он не жалел об этом. Раньше друг при звонке не упоминал об операции, но раз уж они едут в больницу, достаточно будет спросить любую медсестру в стационаре, чтобы узнать правду. Бай Пэн отпустил стекло и посмотрел на Шу Нина.

«Друг, мои возможности ограничены, я могу помочь тебе только до этого момента».

Шу Нин тяжело кивнул. Говорить «спасибо» сейчас было бы слишком чуждо.

Машина умчалась прочь. Бай Пэн остался стоять у дороги, чувствуя себя ничтожным и бессильным. Вдруг его осенило: в школе было немало земляков Шу Нина. Слухи — страшное оружие, они убивают бесшумно. Хихикнув, он задумался...

Когда они добрались до больницы, бригадир не ушёл, а сопровождал Шу Нина и Цинь Юйфу, пока те, расспрашивая, искали морг.

Стоя снаружи у стены, бригадир держал в зубах сигарету, не затягиваясь, и щурился, слушая доносившиеся изнутри душераздирающие рыдания.

Прошел час. Цинь Юйфу выбился из сил и не мог встать. Бригадир один рывком поднял его:

— Хватит. Где ты был раньше? Давай скорее похороним старушку, чтобы она упокоилась.

Цинь Юйфу без конца кивал. Теперь он и Шу Нин оба были в слезах. Шу Нин впервые видел тело бабушки, и его горе было искренним.

Но некоторые дела нужно было делать, и Шу Нину пришлось взять себя в руки. Если он проявит слабость, дядя на всю жизнь останется марионеткой в руках тётей.

— Дядя, сходи к лечащему врачу?

Бригадир был человеком опытным. Ребёнок на каждом шагу твердил, что тётки потеряли совесть, но он сомневался: умершая-то была родной матерью! Он потянул Цинь Юйфу за собой, чтобы всё проверить.

Шу Нин не пошёл с ними. Некоторое вещи лучше узнавать самому.

После разговора с лечащим врачом, старшей медсестрой и проверки оплат Цинь Юйфу окончательно опешил. Мать с момента поступления в больницу до смерти... заплатила только 250 юаней, и то их внесли соседи! Правда вонзилась в сердце, как нож, причиняя невыносимую боль.

Бригадир поднёс сигарету к носу, вдохнул запах табака, чтобы унять гнев:

— Ты вообще мужчина или нет? Соберись с духом. Мёртвые ушли, береги живых.

Цинь Юйфу растерянно смотрел на бригадира долго, прежде чем хлопнул себя по бедру и побежал к моргу. Шу Нина же ещё не осматривали врачи!

На самом деле Шу Нин был в порядке. В учительской он искусно прикусил язык, чтобы опозорить тётю. Иначе, когда Цинь Юйчо заберёт его, тётя может снова прийти в школу и потребовать денег, якобы на его отчисление. Сегодняшние события заставили Шу Нина быть начеку.

Оформив все формальности, бригадир связался со знакомыми, чтобы помочь купить гроб. В те времена в деревнях предпочитали землю: богатые справляли поминки семь дней, бедные — три, приглашая односельчан на еду и плач. Уже в тот день они втроём вернулись в деревню. В доме был хаос, мебели не было, даже одеяла и одежда исчезли.

Семья и так была бедна, единственной ценностью был дом. У Цинь Юйфу снова покраснели глаза. Шу Нин вздохнул:

— Сначала пойдём к соседям, вернём долг.

Цинь Юйфу тяжело кивнул и вышел. Заставлять такого честного человека занимать деньги и возвращать долги — настоящее испытание. Шу Нин быстро прибрался на кан, усадил бригадира:

— Спасибо вам за сегодня.

— Не за что, малыш.

— А можно узнать, почему вы помогаете моему дяде? — Шу Нин видел многое в прошлой жизни, но тогда был слеп, а теперь вынужден быть внимательным. Чтобы оставить о себе хорошее впечатление, он кокетливо склонил голову, выглядя как любопытный ребёнок.

— Я его из деревни вывел, — бригадир наконец закурил, щурясь от удовольствия:

— Сяофу парень честный и трудолюбивый. Я и не думал, что его сестра под предлогом накопления денег на его невесту присвоит всю его зарплату. Похоже, ты хочешь мне что-то сказать. Говори.

— Сегодня тётя требовала у меня документы на дом, я и заподозрил неладное. Не проверишь — не узнаешь, а как узнал — сердце разрывается. Бабушка ушла одинокой. Тётя и вторая тётя наверняка будут спорить из-за дома. Дядя у нас мягкий, я боюсь, как бы чего не вышло.

— И ты тоже хочешь продать дом? — Взгляд мужчины стал интереснее. Яблоко от яблони падает недалеко. Неужели этот ребёнок тоже волк?

— Угу, — Шу Нин не отвёл взгляда, глядя открыто:

— Денег должно хватить на покупку дома в отдалённом районе города. Последнее сожаление бабушки при жизни было в том, что дядя ещё не женился.

Глаза бригадира блеснули. Осуществимо:

— Я понял твою мысль. Продажу дома оставь мне.

Снаружи поднялся шум. Вторая тётя и тётя примчались быстро, громко крича так, будто хотели, чтобы все знали, как им несправедливо.

Цинь Юйфу был четвёртым ребёнком, младшим сыном и единственным мужчиной в семье. Поэтому родители с детства говорили трём дочерям, что те должны уступать брату — он же опора семьи! Когда вы вырастаете и выйдете замуж, родной брат будет вашей железной опорой!

Сначала дочери слушались родителей и хорошо относились к брату, отдавая ему всё лучшее. Но с годами это стало им не по нутру. С какой стати?

Всю работу по дому делали мы, даже кур, уток, гусей и свинью кормили мы. Почему Цинь Юйфу должен сидеть, сложа руки?

На самом деле, если посмотреть справедливо, Цинь Юйфу начал помогать по дому, как только подрос, а когда сёстры вышли замуж, взял всё на себя. Тут никто никому не должен.

Снаружи стало ещё шумнее, слышался плач. Бригадир тут же выбежал. Шу Нин спокойно убирался в доме, оставляя поле боя дяде, в надежде, что тот наконец сообразит.

Соседей собралось много, лица у всех были недобрые, они показывали пальцами и шептались.

Тётя сидела на земле, рыдая и ругаясь. Муж второй тёти был учителем, поэтому она вела себя сдержаннее, громко задавая вопросы, в которых по сути утверждалось, что младший брат неблагодарный, никогда не приезжал и прочее, а теперь матери нужна операция и приходится продавать дом. Цинь Юйфу молчал, опустив голову, будто действительно чувствовал себя виноватым.

Некоторые соседи тоже засомневались: неужели правда? Нет, две старшие дочери в этой семье известны как тяжёлые люди, не сладить с ними. Младшая дочь уехала больше десяти лет назад, вестей от неё не было, а вот младший сын всегда был послушным и почтительным. Как он мог остаться равнодушным к больной матери?

<http://bllate.org/book/16573/1513415>